

Мобилизационные механизмы редистрибуции России и проблемы их реформирования

© 2010 М.А. Корытцев

кандидат экономических наук

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

E-mail: vaish2@rambler.ru

Доминировавшие в истории России институциональные механизмы хозяйствования, с присущими им особенностями циклического развития, представляют собой ключевые факторы, препятствующие современной модернизации государства.

Ключевые слова: зависимость от предшествующего пути развития, редистрибуция, (не)стабильный режим функционирования, формы интеграции.

Институты как устойчивые социальные образования, паттерны, имеют свою инерцию, во многом определяющую направленность социально-экономического развития конкретной общности, даже если указанная институциональная система, матрица, неоптимальна и порой не позволяет сформировать правила эффективного взаимодействия. В институциональной экономической теории это теоретическое положение отражено, в частности, концепцией зависимости от предшествующего пути развития (“path dependency”) (Б. Артур)¹. В рамках данной концепции, а также предшествовавшей ее формированию концептуальной фиксации П. Дэвисом² совокупности “QWERTY-эффектов” была сделана попытка обобщить определенную разновидность институциональных связей, детерминирующих дальнейшее технологическое или институциональное развитие, вследствие первоначально сделанного акторами выбора.

Неоклассический анализ концентрирует внимание на исследовании закономерностей и особенностей экономического поведения в рамках рыночной экономики, т.е. в контексте доминирования таких базовых институтов, как рынок и частная собственность. История, однако, фиксирует продолжительное существование иного типа социумов, получившего повсеместное распространение в прошлом. Терминологически они характеризовались различным образом в рамках определенных теоретических парадигм: “традиционное (аграрное) общество” - в рамках цивилизационного подхода или концепции перехода к самоподдерживающемуся росту У. Ростоу, “азиатский способ производства” - в марксистской теории, “восточные деспотии” - по К. Витфогелю³, “доиндустриальные” общества - согласно теории постиндустриального общества, развиваемой Д. Беллом⁴ и т.д.

Конечно, существовали и альтернативные представления, принижавшие характер таких ин-

ституциональных различий. Так, в рамках официальной советской идеологической доктрины - учения об историческом материализме, развившего теоретическую трактовку В. Ленина марксистского учения⁵, выделялось существование рабовладельческой и феодальной исторических формаций, в рамках которых признавалось действие общих социально-исторических закономерностей, как для стран Западной Европы, так и для государств других частей мира. Однако такой подход игнорировал ряд существенных черт исследуемых социумов, что в свою очередь мешало теоретически отследить специфику институциональной эволюции, в том числе и применительно к России.

Множество авторов, например К. Маркс⁶, Г. Плеханов⁷, П. Милюков, К. Витфогель, Р. Пайпс⁸, так же как и современные российские исследователи А. Ахиезер⁹, И. Клямкин, Р. Нуреев¹⁰, Ю. Латов, О. Бессонова¹¹, С. Кирдина¹², А. Прохоров¹³, А. Фонотов¹⁴ и др., используя несколько различающийся терминологический аппарат, характеризуют специфику российской хозяйственной системы, близкой к традиционному, восточному, “азиатскому” типу хозяйства, в противовес специфичной для Запада институциональной системе.

Совокупность содержательных особенностей соответствующего вида хозяйственной системы, взаимосвязанной с характерным типом политической системы, может быть сведена к группе специфических характеристик, перечисляемых ниже:

- устойчивая тенденция, направленная на формирование и воспроизводство сильной централизованной политической авторитарной (тоталитарной) власти, поддерживаемой и одновременно воспроизводящей административные иерархии в целях оперативного решения политических, милитаристских, хозяйственных, реформистских задач;

- значительная роль, которую играет центральная власть в мобилизации и перераспределении (редистрибуции) значительного числа благ и ресурсов хозяйственной системы, что во многом определяет характер и направленность эволюции последней;

- распространение либо длительное устойчивое сохранение различных форм внеэкономического принуждения к труду, равно как и коммунальных (совместных) форм организаций труда, стимулирующих распространение форм совместной собственности в ущерб развитию форм частной собственности;

- конфликтное взаимодействие, часто предполагавшее подавление проявлений роста хозяйственной, политической, культурной автономии низовых социальных структур со стороны административных иерархий, при одновременной консервации минимально допустимого уровня подобной самоорганизации, обеспечивающего решение государственных задач мобилизационного типа (задачи внутреннего управления, сбор налогов, призыв в армию, иные формы трудовой или ресурсной мобилизации);

- распространение соответствующих культурных стереотипов и поведенческих моделей, вступающих в конфликт с предпринимательским инновационным типом социальной активности;

- активно осуществляемый технологический и институциональный импорт в целях обеспечения государством реализации стратегии догоняющего развития (модернизации).

Совокупность перечисленных выше характеристик устойчиво воспроизводится в разные исторические периоды в контексте различной политической и экономической ситуации, на разных уровнях технологического развития, позволяющего лишь варьировать степень эффективности и, соответственно, масштаб распространения институциональных механизмов указанного типа. История формирования и устойчивого воспроизводства подобных механизмов берет свое начало с момента формирования централизованного Московского государства (XV - XVI вв.).

С методологической точки зрения, для характеристики подобной институциональной преемственности целесообразно опираться на цивилизационный подход. Вариант такого подхода, основываясь на возможности автономного существования различных типов хозяйственных систем, разработал Карл Поланьи. Последний выделял три основных типа хозяйственных систем ("форм интеграции")¹⁵, существовавших в человеческой истории:

- реципроктность ("дарообмен");
- редистрибуция ("перераспределение");

- рыночная экономика.

Указанные формы интеграции (хозяйственные уклады) могли сосуществовать в рамках единого социально-экономического и политического пространства. При этом в случае доминирования одного из них последний определял в целом свойства и институциональную специфику хозяйства страны в конкретный исторический период. Очевидно, что специфика редистрибутивной формы интеграции в этом случае была характерна для Российского государства на протяжении всего периода его существования. Собственно, подобная система редистрибуции с необходимостью включает в себя три фазы ("аккумуляции-согласования-распределения")¹⁶, при этом ее мобилизационный потенциал реализует себя на первой стадии ("аккумуляции").

Еще одной значимой чертой, дополняющей приведенную выше характеристику доминирующего институционального механизма в стране, выступает цикличность его воспроизводства, проявляющаяся посредством реализации противоречивых интересов главных политических, хозяйственных субъектов - центральной власти и административной вертикали, служащей проводником ее решений.

А. Прохоров на материале российской истории демонстрирует в данной связи тенденцию формирования и воспроизводства двух сменяющих друг друга режимов функционирования системы государственного управления: стабильного и нестабильного¹⁷. Стабильное состояние (режим) предполагает устойчивое неэффективное функционирование социально-экономической системы, провоцируемое государственной бюрократией, реализующей свои интересы по максимизации институциональной ренты и пренебрегающей, а точнее, имитирующей исполнение своих управленческих функций. Такой оппортунизм возможен в условиях неспособности центральной власти стимулировать административную вертикаль. Это способствует постепенной общей деградации государственной системы управления, росту неэффективности регулятивных, мобилизационных мероприятий и воздействий государства в целом. Поэтому политическое руководство страны склонно стремиться периодически стимулировать активность бюрократических структур и повышать эффективность их деятельности в процессе решения социально-экономических, политических или военных задач, пытаясь перевести систему госуправления в так называемый нестабильный режим посредством инициирования различных мобилизационных кампаний. Длительная историческая практика способствовала выработке и закреплению некото-

рых институциональных новаций в этой сфере, новационных составляющих, стимулирующих перевод мобилизационной системы из стабильного в нестабильный режим:

- создание дублирующих управленческих структур, стимулирующих активность и контролируемых основные управленческие иерархии¹⁸ (партийные и церковные институты, институты спецполномоченных, органы внутренней безопасности или армейские подразделения и др.);

- делегирование полномочий по выполнению заданий низовым структурам, дополняемое механизмом “круговой поруки” – коллективной ответственности за навязанные властью отдельным социальным и (или) производственным группам обязательства;

- жесткие санкции, вплоть до репрессий, за неисполнение поставленных задач.

Нестабильный режим функционирования предполагает способность управленческой иерархии аккумулировать значительно больший объем ресурсов, чем в обычных условиях, для решения стоящих перед государством внутренних и (или) внешних задач. Предъявление властью повышенных мобилизационных требований к низовым структурам естественным образом сталкивается с их растущим сопротивлением усиливающейся эксплуатации. Чтобы преодолеть его, управленческие структуры государства должны быть готовы работать в чрезвычайном режиме. В свою очередь, для стимулирования бюрократических структур к повышению эффективности и интенсивности деятельности центральная власть прибегает к упомянутым мерам и механизмам, в том числе ужесточает ответственность за выполнение заданий.

При нестабильном режиме функционирования страны государственная вертикаль может более активно вмешиваться во внутреннее функционирование низовых кластеров социума, чтобы стимулировать их более эффективную работу. Это осуществляется, в том числе посредством внедрения параллельных управленческих структур, не только в рамках управленческой вертикали, но и внутри самих низовых социальных структур и стимулирования с их помощью, прежде всего, внутригрупповой конкуренции, стимулирования поиска эффективных инновационных решений и их тиражирования среди других низовых социальных групп. Богатый опыт стимулирования активности и роста эффективности низовых социальных структур был накоплен в СССР. Все это способствует росту результативности системы в целом, но главным источником повышения отдачи выступают в данном случае

низовые кластерные структуры, режим эксплуатации которых усиливается.

Очевидно, нестабильный режим функционирования системы позволяет, благодаря сверхмобилизации потенциала как низовых групп, так и государственной бюрократии, концентрировать более значительный объем ресурсов для решения актуальных задач, даже при недостатке управленческой компетенции и дефиците ответственности власти за принятие неадекватных решений, что обуславливает часто низкую эффективность применения аккумулированных ресурсов. Власть может позволить себе не считаться с “перерасходом” ресурсов – материальных, финансовых, людских и пр. Именно концентрация ресурсов выступает решающим фактором, обеспечивающим достижение требуемого властью результата.

Функционирование управленческих структур и общества в целом в нестабильном режиме, особенно при проведении длительной и жесткой мобилизационной политики, наряду с выполнением поставленных макрозадач, оборачивается в итоге истощением и исчерпанием существующих ресурсов вплоть до возможной деградации отдельных секторов экономики и социальной сферы¹⁹, снижения благосостояния и качества жизни значительных слоев населения²⁰. Ущерб несут и сами бюрократические структуры в ходе применения жестких санкций и даже репрессий. При функционировании редиистрибутивных систем в нестабильном режиме возникают и ограничения, связанные с нецелевым использованием перераспределяемых благ и ресурсов, ужесточаются санкции нецелевого использования ресурсов, хотя подобные ситуации часто сочетаются с дополнительными возможностями сверхобогащения агентов управленческих иерархий в связи с ростом потоков перераспределяемых ресурсов и усложнением контроля за их целевым использованием. В конечном счете подавляющая часть населения и представители административной вертикали заинтересованы в выходе страны из состояния управления в нестабильном режиме. Этому способствуют как решение государством наиболее животрепещущих задач, что позволяет ослабить мобилизационный нажим, так и действия бюрократических структур, при возможности нивелирующих или, насколько это возможно, игнорирующих последующие импульсы активности центральной власти. Схожей стратегии поведения придерживается и значительная часть населения, сталкивающаяся со значительными издержками существования при нестабильном режиме функционирования системы, снижением собственного благосостояния²¹ при

одновременном усилении государственной мощи. При существовании системы в стабильном режиме, естественным образом, со временем возрастают масштабы неэффективности, чиновники максимизируют теневые доходы, используя свое служебное положение, и снижают собственную управленческую активность. Система, действуя в стабильном режиме, в целом деградирует²², хотя благосостояние значительной части населения при этом может повышаться. Однако долгое существование системы в стабильном режиме может привести к прохождению некоторого критического порога деградации, когда она практически перестает результативно функционировать. В этом случае система может оказаться неспособной в принципе переключиться для функционирования в нестабильный режим, что приводит даже к военным поражениям и социальным катастрофам (например, в случае успешной революции и свержения правительства). Предельным случаем здесь становятся гибель государства и распад общества, сопряженные с революционными потрясениями и масштабными гражданскими конфликтами. Реформирование системы, с целью замены ее качественно иными институтами, также, естественно, способствует ее деградации.

Важно отметить, что в рамках такой редистрибутивной системы инновационная активность получает достаточно ограниченное распространение. Потребность в инновациях возникает в основном на стадии функционирования системы в нестабильном режиме, когда низовые структуры должны справиться с решением поставленных перед ними задач, что может стимулировать такие коллективы принимать и поддерживать нестандартные инновационные решения, которые также могут быть поддержаны и даже тиражированы властью. Однако с укоренением стабильного режима функционирования системы потребность в инновационных решениях исчезает, их распространение перестает поддерживаться²³. Отсутствие поддержки генерируемых в таком социуме инноваций неизбежно приводит к необходимости импортировать институты, технологии и идеи для обеспечения развития системы, вынуждая страну выбирать стратегию догоняющего развития (модернизации). При этом обеспечить импорт технологии, как правило, оказывается легче, чем осуществить институциональное заимствование, по причине инородности традиционно доминирующей институциональной среды²⁴.

Современный сценарий социально-экономического и политического развития России в значительной степени оттеняет приведенную в ста-

тье характеристику развития хозяйственной системы редистрибутивного типа. Усиление масштабного присутствия государства в экономике, наращивание властной вертикали и вымывание демократических элементов политической системы сопровождалось сравнительно высокими темпами экономического роста (преимущественно на основе развития сырьевых отраслей) в прошедшее десятилетие (1999–2008), деградацией инновационного потенциала и ростом коррупции. Однако стратегическая бесперспективность подобной модели развития осознается всеми, в том числе и руководством страны. Сложность реформирования при этом заключается в необходимости, в частности и традиционными для страны мобилизационными методами, заместить базовые для страны институты редистрибуции инновационными институтами развития, предполагающими стимулирование конкуренции, действенную поддержку инновационного предпринимательства, кардинальную реформу бюджетного сектора и силовых ведомств, распространение эффективно функционирующих институтов гражданского общества, обеспечивающих долгосрочные технологические и экономические преимущества развития. Система в своей истории уже сталкивалась с похожим вызовом - и в период реформ второй половины XIX в., и в эпоху горбачевской "перестройки". Проблема состояла в том, что всякий раз разрушение базовых институтов сопровождалось экономическими или общественными потрясениями, ставившими под вопрос само существование государства. Очевидно, что решение проблемы подобного масштаба потребует проведения взвешенной, последовательной, направленной на модернизацию институциональных основ политики, реализация которой может быть обеспечена лишь в долгосрочном периоде. Надеемся, что осознание сложности поставленной задачи только поможет достижению успеха.

¹ Arthur B. Competing Technologies and Lock-in Historical Small Events // *Economic J.* 1989. Vol. 99. No.1. P. 116 - 131.

² Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY // *Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса.* М., 2006. С. 139 - 150.

³ Wittfogel K.A. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power.* New Haven, 1957.

⁴ Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society.* N. Y., 1996.

⁵ См.: *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества. М., 1998. С. 92 - 93; *Нуреев Р.М.* Основные институциональные модели становления и развития капитализма (Гл. II.1) // *Институциональная экономика / под общ. ред. А. Олейника.* М., 2005. С. 298 - 300.

⁶ Письмо К. Маркса В. Засулич // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. 19. С. 415.

⁷ “Аграрная история России более походит на историю Индии, Египта, Китая и других восточных деспотий, чем на историю Западной Европы... У нас дело сложилось так, что земля вместе с землевладельцами была закреплена государством и на основании этого закрепления развился русский деспотизм” (*Плеханов Г.В.* Сочинения: в 24 т. М.; Л., 1925. Т. 15. С. 68 - 69).

⁸ См.: *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 2004; *Его же.* Собственность и свобода. М., 2000.

⁹ *Ахизер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М., 2005.

¹⁰ *Нуреев Р.М.* Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). Ч. 1. М., 2003. С. 11 - 92.

¹¹ *Бессонова О. Э.* Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М., 2006.

¹² *Кирдина С. Г.* X- и Y-экономики: институциональный анализ. М., 2004.

¹³ *Прохоров А. П.* Русская модель управления. М., 2006.

¹⁴ *Фонотов А.Г.* Россия: инновации и развитие. М., 2010.

¹⁵ “Великая трансформация” Карла Полаanyi: прошлое, настоящее, будущее / под общ. ред. Р.М. Нуреева. М., 2006. С. 287-305.

¹⁶ *Polanyi K.* The Livelihood of Man. N.Y., 1977. P. 40-41.

¹⁷ *Прохоров А. П.* Указ. соч. С. 84 - 105.

¹⁸ Одной из первых масштабных попыток в отечественной истории сформировать подобные параллельные структуры было создание Иваном Грозным системы опричнины (подробнее см., например: *Карацуба И., Курукин И.В., Соколов Н.П.* Выбирая свою историю. М., 2005. С. 107 - 124).

¹⁹ Так, в период правления Петра I “численность населения страны, по данным П.Н. Милюкова, сократилась на 14,6%, т.е. на одну седьмую часть... Основная часть потерь - умершие на строительстве Санкт-Петербурга и десятков других городов и крепостей, умершие от голода и разорения вследствие непосильных налогов” (*Данилов А.* Альтернативы в истории России: миф или реальность

(XIV - XIX вв.). Ростов-н/Д, 2007. С. 154). Разорение крестьянства в сталинский период является другим хрестоматийным историческим примером.

²⁰ Наверное, хронологически первым таким примером - образцом нестабильного режима - могут служить социально-экономические последствия введения на Руси опричнины: “Жестокими мерами царь подавил всякую оппозицию, но внутри и внешнеполитическое положение страны стремительно ухудшалось. Эпидемия чумы и неурожаи на рубеже 60 - 70-х гг. XVI в. привели к разорению многих крестьянских хозяйств и дворянских владений, чему способствовали и произвол при взимании налогов, и прямые грабежи опричников. Писцовые книги начала 80-х гг. говорят о том, что во многих уездах значительно сократилась пашня, а население вымерло или разбежалось” (*Карацуба И., Курукин И.В., Соколов Н.П.* Указ. соч. С. 123).

²¹ “В периоды нестабильного состояния системы управления огромные людские жертвы и хищническое использование ресурсов неизбежно приводят к истощению страны и ослаблению ее мобилизационных возможностей” (*Прохоров А.П.* Указ. соч. С. 98).

²² “Примером может служить “управление в стиле хронического согласования”, достигшего своего пика при Брежнев” (*Прохоров А.П.* Указ. соч. С. 98).

²³ “Но такого рода заимствования чужих нововведений всегда запаздывают, времени на их постепенное освоение обычно не хватает, а форсированные изменения блокируются инерционностью системы, для трансформации которой требуется сильная мобилизующая встряска” (*Ахизер А., Клямкин И., Яковенко И.* Указ. соч. С. 425).

²⁴ “На деле, другим территориям оказалось проще заимствовать западные технологии, чем западные институты, и постепенная взаимная эволюция обеих сфер обычно совершенно отсутствовала в незападных экономиках, что вызвало значительную политическую напряженность и массу социальных потрясений” (*Мокир Дж.* Меркантилизм, просвещение и промышленная революция // *Terra economica*: сб. ст. российских и зарубежных экономистов начала XXI века. М., 2008).

Поступила в редакцию 09.01.2010 г.